

Отец Браун

Гилберт Честертон
Сломанная шпага

«ЭКСМО»

1911

Честертон Г. К.

Сломанная шпага / Г. К. Честертон — «Эксмо», 1911 — (Отец Браун)

ISBN 978-5-457-43817-0

«Тысячи рук леса были серыми, а миллионы его пальцев – серебряными. Яркие и тусклые звезды в темном небе оттенка зеленовато-синего сланца сверкали и поблескивали, словно кусочки льда. Вся округа, заросшая густым лесом и малонаселенная, была скована жестоким морозом. Черные промежутки между стволами деревьев напоминали бездонные темные пещеры жестокого скандинавского ада, обители невыразимого холода. Даже квадратная каменная колокольня казалась монументом северного язычества, словно некая варварская башня среди приморских утесов Исландии. Ночь была явно неподходящей для осмотра кладбища; с другой стороны, оно заслуживало внимания...»

ISBN 978-5-457-43817-0

© Честертон Г. К., 1911

© Эксмо, 1911

Гилберт Кийт Честертон

Сломанная шпага

Тысячи рук леса были серыми, а миллионы его пальцев – серебряными. Яркие и тусклые звезды в темном небе оттенка зеленовато-синего сланца сверкали и поблескивали, словно кусочки льда. Вся округа, заросшая густым лесом и малонаселенная, была скована жестоким морозом. Черные промежутки между стволами деревьев напоминали бездонные темные пещеры жестокого скандинавского ада, обители невыразимого холода. Даже квадратная каменная колокольня казалась монументом северного язычества, словно некая варварская башня среди приморских утесов Исландии. Ночь была явно неподходящей для осмотра кладбища; с другой стороны, оно заслуживало внимания.

Кладбище возвышалось над пепельным покровом леса на горбатом холме, покрытом зеленым дерном, который казался серым в звездном свете. Большинство могил находилось на склоне, и тропа, ведущая к церкви, напоминала крутую лестницу. На вершине холма, на единственной ровной и хорошо заметной площадке, стоял памятник, которым славилось это место. Он странно контрастировал с неприметными могилами, так как был изваян одним из величайших скульпторов современной Европы, чья слава, впрочем, бледнела по сравнению с известностью человека, чей образ был создан его руками. Серебристый карандаш звездного света легкими штрихами очерчивал мощную металлическую фигуру лежащего солдата, чьи сильные руки были сложены в жесте вечной молитвы, а большая голова покоилась на прикладе ружья. Его величавое лицо обрамляла борода, или, вернее, густые бакенбарды в старом тяжеловесном стиле полковника Ньюкома. Мундир, обозначенный несколькими незамысловатыми контурами, представлял собой обычную форму современного образца. Справа от него лежала шпага со сломанным концом, слева Библия. В ясные солнечные дни сюда приезжали экипажи, набитые американцами и просвещенными жителями пригородов, желающими осмотреть надгробие, но даже их угнетало унылое безмолвие круглого холма с церковью и кладбищем, возвышавшегося над окрестными чащами. Сейчас, в морозной тьме глубокой зимы, у любого могло возникнуть ощущение, будто он остался наедине со звездами. Но в звенящей тишине скрипнула деревянная калитка, и две смутные фигуры, одетых в черное, поднялись по тропинке к надгробию.

Холодный свет звезд был таким слабым, что о них трудно было сказать что-то определенное, кроме их размера. Оба носили черное, но, если один казался чрезвычайно рослым, другой (возможно, по сравнению с первым) выглядел настоящим коротышкой. Они приблизились к надгробию великого воина и несколько минут молча разглядывали его. Вокруг не было ни души, возможно, даже ни одного живого существа, и болезненно впечатлительному воображению могло показаться, что они сами не принадлежат к роду человеческому. Как бы то ни было, начало их разговора было странным. После продолжительного молчания маленький человек обратился к своему спутнику:

– Где умный человек прячет гальку?

– На морском берегу, – низким голосом отозвался тот.

Маленький человек кивнул и после небольшой паузы спросил:

– А где умный человек прячет лист?

– В лесу, – последовал ответ.

Снова наступило молчание, после которого высокий вернулся к беседе:

– Вы хотите сказать, что, когда умному человеку нужно спрятать настоящий алмаз, он смешает его с поддельными? – спросил он.

– Нет, нет, – со смехом сказал маленький. – Кто прошлое помянет, тому глаз вон.

Он потоптался на месте, чтобы согреть озябшие ноги, и добавил:

– Я думаю вовсе не об этом, а о чем-то другом, весьма необычном. Зажгите спичку, пожалуйста.

Большой порылся в кармане, чиркнул спичкой, и вспыхнувший огонек озарил золотистым светом плоскую грань монумента. На ней черными буквами были высечены хорошо известные слова, которые многие американцы читали с почтением: «В память о генерале Артуре Сент-Клере, герое и мученике, всегда побеждавшем своих врагов, всегда щадившем их и предательски убитом ими. Пусть Господь, в которого он верил, воздаст ему по заслугам и отомстит за него».

Списка догорела до пальцев большого человека, почернела и упала. Он собрался было зажечь следующую, но маленький спутник остановил его.

– Спасибо, старина Фламбо, я увидел все, что хотел. Или, скорее, я не увидел то, чего не хотел увидеть. Теперь нам нужно пройти полторы мили до ближайшей гостиницы, и я попробую рассказать вам все, что знаю об этом. Видит Бог, если человек набирается смелости рассказать такую историю, лучше сидеть у камина с кружкой эля в руке.

Они спустились по крутой тропинке, закрыли за собой скрипучую калитку и пустились в путь по мерзлой лесной дороге, сильно топая, чтобы разогнать кровь по жилам. Лишь через четверть мили маленький человек снова нарушил молчание.

– Да, умный человек прячет гальку на пляже, – сказал он. – Но что делать, если нет пляжа? Вы что-нибудь знаете о несчастье, постигшем великого Сент-Клера?

– Я ничего не знаю об английских генералах, отец Браун, – со смехом ответил его рослый собеседник, – зато мне кое-что известно об английских полисменах. Я знаю лишь, что вы устроили мне настоящий вояж по всем святыням, воздвигнутым в честь этого джентльмена, кем бы он ни был. Можно подумать, его похоронили в шести разных местах. Я видел мемориал генерала Сент-Клера в Вестминстерском аббатстве; я осмотрел конную статую генерала Сент-Клера на набережной Темзы; я видел памятную доску генерала Сент-Клера на улице, где он родился, и еще одну на улице, где он жил. Теперь вы после темноты пригласили меня к его надгробию на сельском кладбище. Признаться, я уже немного устал от этой замечательной личности, особенно потому, что не имею ни малейшего понятия, кто он такой. За чем вы охотитесь среди всех этих склепов и скульптур?

– Я ищу всего лишь одно слово, – сказал отец Браун. – Слово, которого там нет.

– Может быть, вы наконец что-нибудь расскажете? – предложил Фламбо.

– Мне придется разделить свою историю на две части, – ответил священник. – Сначала о том, что известно всем, а дальше о том, что известно мне. Общеизвестная часть достаточно короткая и простая, но при этом совершенно ошибочная.

– Вот и замечательно, – жизнерадостно произнес здоровяк по имени Фламбо. – Давайте начнем не с того конца. Начнем с неправды, которую знают все.

– Это не совсем неправда, но далеко не вся правда, – продолжал Браун. – По сути дела, широкой публике известно следующее: Артур Сент-Клер был великим и удачливым английским полководцем. После блестящих, хотя и тщательно спланированных военных кампаний в Индии и Африке он получил командную должность в новой кампании Бразилии, когда великий бразильский патриот Оливье объявил свой ультиматум. Сент-Клер с очень небольшими силами атаковал Оливье, возглавлявшего огромную армию, и был взят в плен после героического сопротивления. Потом Сент-Клера повесили на ближайшем дереве, к ужасу и негодованию всего цивилизованного мира. Его нашли болтающимся в петле после отступления бразильцев, а сломанная шпага висела у него на шее.

– И эта известная история – неправда? – поинтересовался Фламбо.

– Нет, – тихо сказал его друг. – До сих пор все правда.

– Этого уже более чем достаточно! – произнес Фламбо. – Но если все это правда, то в чем же тайна?

Прежде чем маленький священник ответил на вопрос, они прошли мимо сотен серых и призрачных деревьев.

– Тайна в психологии, или, скорее, в двух психологиях, – сказал он, задумчиво покусывая палец. – В этой бразильской кампании два самых прославленных деятеля современной истории поступили наперекор своему характеру. Заметьте, и Оливье, и Сент-Клер были героями в старинном смысле этого слова, и их борьба несомненно напоминала противоборство Гектора и Ахиллеса. Но что вы скажете о поединке, в котором Ахилл проявил робость, а Гектор совершил предательство?

– Продолжайте, – попросил Фламбо, когда маленький священник снова куснул свой палец.

– Сэр Артур Сент-Клер был солдатом старой закалки, наподобие тех, которые спасли британцев во время восстания сипаев, – продолжал Браун. – Он ставил долг превыше безрассудной отваги и при всем своем личном мужестве был очень благоразумным командиром, особенно не любившим без необходимости тратить солдатские жизни. Но в этом последнем бою он совершил нечто абсурдное даже для младенца. Не нужно быть стратегом, чтобы понять все безумие его замысла; точно так же не нужно быть стратегом, чтобы отступить в сторону от едущего автобуса. Вот и первая загадка: что взбрело в голову английскому генералу? А вот и вторая: куда делось сердце бразильского полководца? Президента Оливье можно назвать провидцем или проходимцем, в зависимости от точки зрения, но даже его враги признавали, что он был великодушен как странствующий рыцарь. Почти все, кто попадал к нему в плен, были отпущены и даже осыпаны его милостями. Люди, действительно причинившие ему зло, уходили, тронутые его сердечностью и простотой. С какой стати он единственный раз в своей жизни пошел на жестокую месть, причем за такое нападение, которое не могло ему повредить? То-то и оно. Один из самых разумных людей на свете повел себя как идиот без всякой причины. Один из самых добродетельных людей на свете повел себя как злобный демон, тоже без всякой причины. Вот и все; остальное, мой друг, я оставляю на ваше усмотрение.

– Ну уж нет! – фыркнул собеседник. – Вы начали, так что будьте добры рассказать остальное.

– Что ж, – вздохнул отец Браун. – Было бы несправедливо утверждать, что общественное мнение именно таково, как я сказал, и умолчать о двух вещах, которые случились с тех пор. Они едва ли проливают новый свет на загадку, потому что никто не может понять, что они означают. Скорее они порождают новую тьму и распространяют мрак в новом направлении. Сначала произошло вот что. Семейный врач Сент-Клеров поссорился с ними и опубликовал несколько крайне резких статей, в которых называл покойного генерала религиозным маньяком; впрочем, если судить по его собственным словам, это означало, что речь идет не более чем о страстно верующем человеке. Так или иначе, скандал быстро угас. Конечно, все знали, что Сент-Клер был подвержен некоторым излишествам пуританского благочестия. Второй инцидент был гораздо более увлекательным. В том злополучном полку, который без всякой поддержки устремился в безрассудную атаку на Черной реке, служил некий капитан Кейт, который в то время был обручен с дочерью Сент-Клера и впоследствии женился на ней. Он находился в числе тех, кто попал в плен к Оливье, и, как и все остальные – за исключением генерала, – встретил милосердное обращение и быстро обрел свободу. Примерно через двадцать лет этот человек, теперь уже подполковник Кейт, опубликовал автобиографию под названием «Британский офицер в Бирме и Бразилии». В том месте, где любознательный читатель надеется найти разгадку таинственной гибели Сент-Клера, он видит следующие слова: «Везде в этой книге я описывал события в точности так, как они происходили, придерживаясь старомодного убеждения, что боевая слава Англии не нуждается в приукрашивании. Единственное исключение я делаю в том, что касается поражения при Черной реке,

и хотя это делается по причинам личного свойства, они вполне убедительны и достойны уважения. Тем не менее, чтобы отдать должное памяти двух выдающихся людей, я должен добавить несколько слов. Генерала Сент-Клера обвиняли в некомпетентности за его поведение в тот день. Я же по меньшей мере могу засвидетельствовать, что эта атака, будучи правильно понятой, была одним из самых блестящих и здравых поступков в его жизни. По тому же поводу президента Оливье обвиняют в жестокости и несправедливости. Я должен отдать честь противнику и сказать, что в этом случае он вел себя еще более великодушно, чем обычно. Проще говоря, могу заверить моих соотечественников, что Сент-Клер ни в коем случае не был таким безумцем, а Оливье – таким варваром, как он выглядел. Это все, что я могу сказать, и ничто в этом мире не заставит меня сказать больше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.